

УДК 821.111-3.312.09

*Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая***КАТЕГОРИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕТЕКТИВНОМ РОМАНЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Р. ГЭЛБРЕЙТА «ДУРНАЯ КРОВЬ»)**

В художественной литературе постоянно обнаруживаются новые формы категории интертекстуальности, что требует разработки общей методологической базы для ее исследования. В данной статье приводятся теоретические положения научных изысканий, в которых характеризуются принципиальные особенности интертекстуальных связей в современной художественной литературе. Представлен краткий обзор англоязычных детективов, который показывает, что интертекстуальность занимает существенное место в этом жанре, может реализовываться в разных формах и выполнять различные функции. Ведущий метод исследования – интерпретационный анализ связей цитирующего и цитируемого текстов. Большой объем цитат, используемых в качестве эпиграфов к роману Р. Гэлбрейта «Дурная кровь», всем его частям и главам, дает основание утверждать, что книга фактически содержит два текста, что делает неизбежным их сопоставление, вычленение аналогий, сходств и различий. Анализ взаимодействия разных по временной отнесенности, тематике и жанрам текстов, объединенных в одном художественном целом, играет существенную роль в интерпретации данного романа, понимании характеров его действующих лиц, основных тем, сюжетных линий, а также в разгадывании детективной интриги. Сопоставление содержания эпиграфов и соответствующих глав романа дает основание заключить, что имеет место два варианта их корреляции – соответствие на содержательном уровне и контраст на формальном уровне. Интертекстуальность исследуемого романа демонстрирует синтез жанров, функциональных стилей, идейно-образных норм, что является основой формотворчества, ведущего к созданию своеобразного диалога эпох, культур, литературных традиций.

Ключевые слова: современный детектив, Р. Гэлбрейт, категория интертекстуальности, взаимодействие текстов, диалог литературных традиций.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-644-653

Интертекстуальность – неотъемлемая категория художественного текста, которая в современной литературе приобретает разнообразные формы и выполняет широкий спектр функций. Особенно это касается постмодернистского направления, в рамках которого художественные произведения пронизаны цитатами, аллюзиями, ссылками на произведения литературы и искусства. Р. Барт в эссе «Удовольствие от текста» называет интертекст ‘circular memory’, — воспоминанием читателя о прецедентном тексте или текстах, к которым он возвращается всякий раз, когда находит на них ссылку в новом тексте: «более ранний текст как бы возникает из более позднего»; «вот это и есть интертекст, иначе говоря — сама невозможность построить жизнь за пределами некоего бесконечного текста» [2, с. 491]. Л. Хатчеон полагает, что интертекстуальность является условием существования самой текстуальности: «... intertextuality [is] the very condition of textuality» [14, p. 8]. По мысли исследовательницы, категория интертекстуальности выводит на первый план отношения «автор-читатель», поскольку читателю необходимо интерпретировать художественный текст, используя определенный культурный код, фоновые знания, почерпнутые из множества произведений, декодируя пласт культурно-исторических коннотаций: «... intertextuality replaces the challenged author-text relationship with one between reader and text, one that situates the locus of textual meaning within the history of discourse itself» [14, p. 7].

Многие исследователи указывают на то, что интертекстуальность следует изучать с точки зрения ориентации на читателя, это сфера авторско-читательского взаимодействия: М. Риффатер, Р. Лахман, С. Хольтуис, Ю. Кристева, М.М. Бахтин, И.П. Смирнов, Н.А. Фатеева, И.В. Арнольд, Г.Г. Слышкин, Н.А. Кузьмина и др. Рассматривая данную категорию именно с этой позиции, вслед за А.В. Кремневой мы понимаем интертекстуальность как «... одну из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры, основанную на принципе диалогизма мышления и представляющую собой особый, неконвенциональный способ кодирования / декодирования (порождения / восприятия) смысла текста путем эксплицитной или имплицитной отсылки к другому тексту, хранящемуся в тезаурусе автора / реципиента и служащему основой для смыслопорождения и смысловосприятия» [7, с. 11].

Многообразие функциональной нагрузки категории интертекстуальности в современных произведениях может быть сведено к нескольким основным функциям: «интертекстуальность рассматривается как проникновение некоего прецедентного текста в художественный текст-реципиент, благодаря которому происходит расширение смыслового пространства данного текста, повышается информационная насыщенность его смысловых фрагментов. Тем самым текст-реципиент приобретает динамичность, вовлекая читателя в художественное пространство произведения» [1, с. 8–9].

При этом читатель, распознавая интертекстуальные связи текста, «...углубляет и совершенствует собственные культурные компетенции, получая также эстетическое удовольствие от «узнавания» текстов-прототипов» [12, с. 71].

Существуют произведения, которые строятся на основе других известных литературных текстов, представляют собой переосмысление классики, предлагают новые интерпретации, вариации в других жанрах, используются в качестве пародирования. Примеры таких произведений многочисленны и разнообразны, в качестве одного из них приведем роман Джанет Уинтерсон «Разрыв во времени», опубликованный в 2015 г. Британская писательница предпринимает попытку переписать пьесу У. Шекспира «Зимняя сказка», сохранив ее главные темы, поместив героев в современные реалии. Категория интертекстуальности реализуется в данном произведении таким образом, что роман может показаться читателю частью пьесы Шекспира, своеобразным ее продолжением, в котором, однако, автор в соответствии со своим замыслом выделяет несколько другие смысловые доминанты: «...she gives a different emphasis to its constituent elements while encompassing alternative perspectives to make it new» [15, p. 91]. Интертекстуальность в романе подчёркивает мысль автора о том, что есть универсальные темы и мотивы, которые волнуют людей разных эпох, в то время как фрагментарность, характерная для этого романа, призвана показать современные реалии, в которых оказался человек, хаос и непредсказуемость современного мира: «the polymorphous and chaotic essence of modern life, which, in its complexity, resists full comprehension and does not yield to a conventional narrative» [15, p. 95]. Интертекстуальность в данном произведении выполняет референционную функцию, когда «...новый текст отсылает к предтекстам для получения дополнительной информации» [3, с. 80]. Автор обращается к «вечным» темам литературы, переосмысливает их трактовки в новой изменившейся реальности, а его «текст не только сообщает что-то, но и служит стимулом для порождения в сознании читателя новых смыслов, возникающих на основе собственной концептуальной системы, способствуя тем самым ее обогащению» [6, с. 49].

Изучение категории интертекстуальности, несмотря на достаточно большое количество посвященных ей научных работ, продолжает оставаться актуальным, поскольку, во-первых, в художественной литературе постоянно обнаруживаются ее новые формы, и, во-вторых, требуется общая методологическая база для ее исследования. По словам А.Б. Бушева, «... интертекстуальность представляет собой особую специфическую систему, при осмыслении которой необходимо конкретизировать ряд типологически разнородных, структурно-категориальных отношений, верифицировать функции интертекста в рамочных пределах дискурсивной практики» [3, с. 77].

Поскольку интертекстуальность и ее функции во многом обусловлены жанровой принадлежностью произведения, исследование ее специфики в зависимости от жанра представляет особый интерес: «... дальнейшее более детальное изучение вопроса о функциях интертекстуальных включений должно вестись в аспекте выявления взаимозависимости интертекста и литературного направления, к которому принадлежит автор, а также жанра текста» [5, с. 81].

Предметом настоящего исследования является категория интертекстуальности в современном детективе. Даже общий бессистемный обзор ряда современных англоязычных детективных романов показывает, что интертекстуальность занимает существенное место в этом жанре, может реализовываться в разных формах и выполнять разные функции.

Так, в детективе американского писателя Лоуренса Сандерса (Lawrence Sanders) «McNally's Carer» центральной интертекстуальной связью является связь с новеллой Э. По «Падение дома Ашеров». Описание замка, в котором разворачивается место действия романа, во многом совпадает с описанием замка Ашеров у Э. По. Кроме того, что наиболее существенно, совпадает основная проблематика романа и новеллы, которая заключается в описании разрушающихся семейных отношений, «падении дома» в прямом и переносном смысле.

По-иному реализуется интертекстуальность в цикле детективов английской писательницы Рут Рэнделл (Ruth Rendell) об инспекторе Вексфорде («Babes in the Wood», «The Veiled One», «No Man's Nightingale» и др.). В ее романах аллюзии на произведения классиков мировой литературы служат

ключом к раскрытию преступлений, которым умело пользуется инспектор Вексфорд. Он отличается широкой образованностью, особенно в области литературы, в разных ситуациях цитирует Шекспира, при обысках и осмотрах места жительства жертв и подозреваемых обращает внимание на репродукции картин и книги, которые, по его мнению, многое говорят о характере человека, что может помочь и действительно помогает ему решать следственные задачи. Инспектор Вексфорд проводит сопоставления характеров реальных людей с литературными и киногероями, что также способствует расследованию дел.

В детективах другой английской писательницы Э. Персер (Ann Purser), в частности, в ее романе «Murder on Monday» рассмотрение принципов расследования и субъекта, ведущего расследование, обнаруживает связь с романами королевы детективов Агаты Кристи. Подобно знаменитой мисс Марпл героиня романа Э. Персер не является профессиональным сыщиком, она – помощница по хозяйству у зажиточных хозяев деревенских домов. Описание жизни в английской деревне, характеров и нравов ее обитателей во многом перекликаются с описаниями детективов цикла А. Кристи, где расследование ведет мисс Марпл.

В цикле произведений шотландского писателя Иэна Рэнкина (Ian Rankin) об инспекторе эдинбургской полиции Джоне Ребусе ведущей является связь с романом его знаменитого земляка – Р. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Эта связь проявляется по-разному: упоминаются имена писателя и героев его романа, цитируются строки из романа в качестве эпиграфов и в тексте произведения. Главной мыслью, которая прослеживается практически во всех романах цикла Рэнкина, является мысль о двойственной природе человека, о наличии в человеке доброго и злого начал, что подчеркивается перекличкой с романом Р. Стивенсона.

Обзор интертекстуальности в современных детективных романах подтверждает высказывание Р.Х. Туовой о том, что «в детективном тексте постмодерна прецедентные феномены подвергаются двойной трансформации – автор-интерпретатор определяет вектор восприятия продуцируемого текста посредством текста-донора, определяя тем самым доминанты читательской рецепции; читатель формирует новый текст в соответствии с собственными представлениями о тексте-доноре и авторским взглядом на него» [11, с. 68].

Проведенный анализ ряда современных детективных романов позволяет также утверждать, что в них реализуются все три функции интертекстуальности: «...функция смыслопорождения с помощью использования неконвенционального средства кодирования смысла, функция структурно-семантической организации текста, а также функция характеристики персонажа [5, с. 82].

Примеров разнообразных интертекстуальных связей в детективных романах достаточно много, что определяет необходимость выявления и систематизации форм и функций этих связей и, наряду с отсутствием системных исследований на эту тему, обуславливает актуальность настоящей статьи. Целью статьи является исследование данной категории в современном английском детективе на материале романа Р. Гэлбрейта «Дурная кровь», который был написан и переведен на русский язык в 2020 г. Это пятый роман в серии детективов о Страйке Корморане, созданной известной английской писательницей Джоан Роулинг под псевдонимом Р. Гэлбрейт.

Ведущий метод исследования — интерпретационный анализ связей цитирующего и цитируемого текстов, который позволяет выявить результирующие функции этих связей, способствующие более глубокой трактовке тем, идей и образов персонажей цитирующего текста.

Категория интертекстуальности в данном романе играет особую роль, хотя основная форма ее реализации вполне традиционна – использование эпиграфов. Несмотря на традиционность этого приема, он остается важным элементом, служащим для более полного понимания и интерпретации любого художественного текста. По справедливому замечанию Б.Р. Напцок, «эпиграфы в художественном тексте – это своего рода текст в тексте, а не просто цитаты, предпосланные всему тексту или его части. Они являются одним из художественных средств создания смысловой законченности» [9, с. 129]. Специфика использования эпиграфов в исследуемом романе заключается в том, что весь роман, все его семь частей и семьдесят три главы предваряют эпиграфы из одного и того же произведения – рыцарской поэмы XVI в. Эдмунда Спенсера «Королева фей». Поскольку эпиграфы достаточно объемны и многочисленны (в роман включено более восьмидесяти цитат), можно говорить о том, что книга фактически содержит два текста — цитирующий и цитируемый, что делает неизбежным и необходимым их сопоставление, вычленение аналогий, сходств и различий.

Поэму Спенсера «Королева фей» можно назвать прецедентным текстом, понимая его как «... текст, используемый и интерпретируемый не в прямом его смысле, а в качестве средства символизации, вне связи с содержанием “пратекста”» [8, с. 121]. Взаимодействие цитирующего и цитируемого текста в данном романе можно также определить, как паратекстуальность, которая, по Ж. Женетту, является одним из типов транстекстуальности и подразумевает «... отношения текста с его “паратекстом”, “оболочки” и основного “тела” текста (заголовок, посвящение, эпитафия, предисловие, иллюстрации)» [8, с. 121].

Механизм взаимодействия первичного и вторичного текстов может быть представлен следующим образом (цитирующий текст в данном случае может рассматриваться как частный случай вторичного текста): «вторичный текст создается на основе некоего ментального образования, являющегося результатом осмысления и понимания первичного текста и отражающего в свернутом виде его основное содержание» [10, с. 15].

Ментальные образования, упомянутые в данной цитате, могут принимать разные формы:

1) тема текста, содержащая в качестве своего ядра главный предмет описания и те аспекты, в которых он фактически рассматривается в данном конкретном тексте; 2) ключевые слова, которые служат знаками гораздо более широкого содержания, чем их собственные значения; 3) денотативная структура содержания, представляющая собой эксплицированную модель ситуации, в основе которой лежит система предметных отношений, обеспечивающая целостность этой модели и служащая основным содержанием будущего текста [10, с. 15].

В романе Гэлбрейта «Дурная кровь» использованы все три упомянутые формы. Выделение ментальных образований цитируемого текста является первым этапом интерпретации цитирующего текста, за которым следует этап концептуальной интеграции смыслов: «в основе формирования смысла в процессе межтекстового взаимодействия лежит механизм концептуальной интеграции, результатом действия которого является новый смысл, возникающий в области пересечения концептуальных пространств взаимодействующих текстов» [7, с. 12].

Рассмотрим реализацию интертекстуальных связей в произведении «Дурная кровь» на конкретных примерах.

Эпитафией ко всему роману служат следующие строки из указанной поэмы:

*There they her sought, and euery where inquired,
Where they might tydings get of her estate;
Yet found they none. But by what haplesse fate,
Or hard misfortune she was thence conuayd,
And stolne away from her beloued mate,
Were long to tell...
Edmund Spenser
The Faerie Queene [13, p. 1].*

«Где только не вели они расспросы.
Чтоб услышать о ней любую весть,
Поместий обошли — не перечеть.
Все втуне. А какая злая сила —
Несчастье, оговоры или месть —
Ее от друга в дали уносила,
То долгий сказ...» [4, с. 9].

В такой поэтической форме заданы основные сюжетные линии повествования романа: детективная и любовная. Расследуя порученное им дело, детективы Страйк Корморан и Робин Эллакотт «вели расспросы» большого количества свидетелей и с этой целью «поместий обошли — не перечеть». Разные внутренние и внешние обстоятельства — «злая сила — несчастье, оговоры или месть» — препятствовали расследованиям, которые вели детективы, и, с другой стороны, зревшему между главными персонажами чувству любви.

В качестве второго эпитафия к роману автор использует строки из «Книги Тота» Алистера Кроули: *For, if it were not so, there would be something disappearing into nothing, which is mathematically absurd. Aleister Crowley The Book of Thoth [13, p. 1].* «Будь это не так, нечто постоянно исчезало бы в ничто, а это абсурдно с математической точки зрения» [4, с. 9].

Сопоставление данного философского высказывания и содержания романа требует особого осмысления, оно не может быть истолковано однозначно, как неоднозначна сама личность автора этих строк – английского поэта XIX–XX вв., который был известен как черный маг и сатанист. Касается ли это высказывание предопределенности человеческих судеб, неизбежности разоблачения преступлений или каких-либо других умозаключений, каждый читатель вправе решать по-своему. Прямой корреляцией с повествованием романа является тот факт, что один из следователей пытался расследовать дело о пропаже женщины при помощи астрологических и оккультных данных, причем в главе двадцать девятой упоминаются имя и труды Алистера Кроули.

Каждый эпиграф к каждой главе играет особую роль, выполняет различные функции и оказывает воздействие на восприятие персонажей, их действий, описываемых в главе событий. Рассмотрение взаимодействия этих столь разных по временной отнесенности, тематике и жанрам текстов, объединенных по воле автора, представляет исследовательский интерес как в плане сопоставления их содержания, так и, главным образом, в плане интерпретации текста романа – характеров его действующих лиц, основных тем, сюжетных линий, а также для разгадывания детективной интриги.

Рассмотрение содержания эпиграфов и соответствующих глав дает основание заключить, что имеют место два варианта их корреляции: соответствие на содержательном уровне и контраст на формальном уровне. Контраст обусловлен разными функционально-стилистическими регистрами, в которых написаны тексты – возвышенный, пафосный стиль поэмы Спенсера контрастирует с нейтральным и разговорным стилями детектива Р. Гэлбрейта. Как правило, результирующим эффектом такого сочетания разных стилей является ирония.

Функции эпиграфов разнообразны, они служат для характеристики героев, описания их чувств и душевных переживаний, сопоставления с описываемыми событиями и фактами биографии персонажей.

В нескольких эпиграфах присутствует своеобразное представление персонажа главы, дополнение к его характеристике. Так, первую главу романа предваряет эпиграф, где речь идет о славном рыцаре Артегале, который в поэме Спенсера олицетворяет одну из шести добродетелей – Справедливость:

*And such was he, of whom I have to tell,
The champion of true Justice, Artegall...* [13, p. 3].

«Поборник правды, тверд в бою как сталь
Сей рыцарь по прозванию Артегаль...» [4, с. 11].

В главе детектива автор представляет нам главного героя романа в довольно сдержанном тоне:

His friend, Strike resembled an out-of-condition boxer, which in fact he was; a large man, well over six feet tall, with a slightly crooked nose, his dense dark hair curly. He bore no tattoos and, in spite of the perpetual shadow of the heavy beard, carried about him that well-pressed and fundamentally clean-cut air that suggested ex-police or ex-military [13, p. 3–4]. «Страйк напоминал вышедшего в тираж боксера, что, впрочем, соответствовало истине: крупный, почти двухметрового роста, со слегка свернутым набок носом и темной курчавой шевелюрой. Наколок он не признавал и, невзирая на всегдашнюю легкую небритость, выходил из дому наглаженным и свежим, что выдавало в нем бывшего полицейского или военного» [4, с. 12].

Страйк Корморан наделяется доблестными рыцарскими чертами – «поборник правды, тверд в бою как сталь» – только благодаря эпиграфу и сопоставлению с Артегалем, главной чертой характера которого является Справедливость, что отражает авторское и формирует читательское к нему отношение. В данном случае строки эпиграфа выполняют функцию образного сравнения, возвеличивающего героя.

В эпиграфе к главе 3 провозглашается, что речь пойдет о Бритомарт, которая в поэме Спенсера олицетворяет такую добродетель, как Целомудрие:

*But now of Britomart it here doth neede,
The hard adventures and strange haps to tell* [13, p. 19].

«Но дале сказ пойдет о Бритомарт,
О происках злокозненных судеб» [4, с. 28].

В этой главе впервые появляется главная героиня романа, помощница и партнер Страйка, Робин Эллакот. Автор с первых строк показывает ее во время исполнения очередного задания – слежки за объектом, т. е. образ современной женщины-детектива сопоставляется со средневековой воительницей. Описание ее внешности ограничивается скупыми словами: *Her face in the wing mirror was pale,*

her blue eyes bloodshot, and the strawberry blonde hair currently hidden under a black beanie hat needed a wash [13, p. 19]. «В боковом зеркале отражалось ее бледное лицо с покрасневшими от недосыпа голубыми глазами и черная вязаная шапка, скрывающая немытую землянично-рыжеватую голову» [4, с. 28]. Основное внимание сосредоточено на «происках злокозненных судеб», которые преследуют Робин, — на измене ее мужа и последующем затянувшемся бракоразводном процессе, на складывающихся не так, как ей хотелось бы, отношениях со Страйком, на почти круглосуточном дежурстве на работе. Таким образом, строки эпитафии настраивают читателя на положительное восприятие этой героини, которая, несмотря на жизненные неурядицы, сохраняет целомудрие и преданность делу, как и героиня средневековой поэмы Бритомарт.

В эпитафии к главе 4 проводится прямая параллель между персонажами поэмы Спенсера и романа Гэлбрейта – в обоих произведениях речь идет о единоутробных брате и сестре, совершенно непохожих друг на друга.

Эпитафия:

*Begotten by two fathers of one mother,
Though of contrarie natures each to other...* [13, p. 30].

«Одною матерью от двух отцов зачаты,
Они несхожи, точно воск и латы» [4, с. 39].

Строки из главы: *They were physically so unalike that people struggled to believe that they were related, let alone half-siblings* [13, p. 32]. «Брат с сестрой был настолько непохожи, что многие отказывались верить в их родство» [4, с. 41].

Следующий пример демонстрирует сопоставление чувств и переживаний персонажа, цитируемого и цитирующего текстов. Тревога и возможная надежда, о которых говорится в эпитафии к главе 2, сопоставимы с чувствами, которые переживает Анна Фиппс – героиня, появляющаяся в этой главе. Тревога по поводу исчезновения матери, не покидавшая ее долгие годы, и возникающая у нее надежда на раскрытие этого дела в образной форме выражены в строках эпитафии:

*Heart, that is inly hurt, is greatly eas'd
With hope of thing, that may allay his Smart...* [13, p. 12].

«Чье сердце бередит тревоги гнет,
Тому бальзам надежды сон вернет» [4, с. 21].

Приведем ряд примеров, в которых показано сопоставление событий, описываемых в тексте эпитафии и в главе романа.

Двадцать девятой главе предшествует эпитафия, в которой говорится о «немощи» героя, помешавшей ему вступить в бой:

*Thus warred he long time against his will,
Till that through weakness he was forced at last
To yield himself unto the mighty ill,
Which, as a victor proud, 'gan ransack fast
His inward parts and all his entrails waste...* [13, p. 316].

«Чужая воля в бой его гнала,
Покуда немощь в тот бездольный час
Его не сбила с ног пред силой зла,
Которая, победою кичась,
Клинком ему вспорола грудь и чрево...» [4, с. 327].

В главе речь идет о болезни Страйка, из-за которой ему пришлось приостановить дела и остаться дома до выздоровления.

В строках эпитафии к сорок первой главе повествуется о битве между бывшими друзьями:

*With that they gan their shiuering speares to shake,
And deadly points at eithers breast to bend,
Forgetfull each to haue bene euer others frend.* [13, p. 494].

«И стали грозно копьями трясти,
Один другому метил жалом в грудь,
Забыв, что прежде вел их дружбы путь...» [4, с. 506].

В самой главе описана ссора между Страйком и Робин, которая произошла между ними после неудавшейся вечеринки. Робин высказала свои обиды, не скрывая злости, что очень удивило Страйка, поскольку: *She was the unique woman in his life who'd never tried to change him* [13, p. 496] («В его жизни она была уникальной женщиной, которая никогда не пыталась его переделать» [4, с. 508]). В конце главы они расстаются после обмена обвинительными репликами в адрес друг друга.

Следующая сорок вторая глава начинается со строк эпитафия о ранах, нанесенных Бритомарт рыцарю, которые в романе сопоставляются с душевными ранами Страйка, возникшими из-за ссоры с Робин:

*... his late fight
With Britomart, so sore did him offend,
That ryde he could not, till his hurts he did amend* [13, p. 499]

(«... В том бою
От Бритомарт раненья получил:
Верхом скакать не мог, покуда их лечил...» [4, с. 511]).

Во всех случаях возвышенный стиль поэмы, строки из которой служат эпитафиями, контрастирует с обыденными ситуациями, описываемыми в соответствующих главах романа, то есть прослеживается соответствие на уровне содержания и контраст на уровне формы выражения, что создает эффект иронии. Примеров тому достаточно много, это и приведенные выше отрывки, и ряд других.

Так, в эпитафии к главе двенадцать речь идет о богатых дарах и словах похвалы рыцаря своей возлюбленной:

*With flattering wordes he sweetly wooed her,
And offered faire guiftes, t'allure her sight,
But she both offers and the offerer
Despysde, and all the fawning of the flatterer* [13, p. 113]

(«Даров богатых присылал ей горы
И расточал хвалы ей, но она,
С льстецом и лестью, не вступая в споры,
От подношений отводила взоры» [4, с. 123]).

В главе же говорится о цветах, которые Страйк подарил Робин на ее день рождения, разочаровав ее, и о довольно скромных подарках и дежурных поздравлениях ее коллег.

Эпитафия к главе сорок о грозных ударах судьбы контрастирует с содержанием главы, в которой описывается всего лишь не совсем удавшаяся вечеринка у хозяина квартиры Робин.

Иногда содержание эпитафия имеет многовариантное развитие в главе, которой он предшествует. Так, ключевая строка из эпитафия к главе тридцать девять – *...they thus beguile the way* [13, p. 461] («...Их с толку нечто странное сбивало» [4, с. 472]) – говорит о некоем препятствии на пути героев. А в главе речь идет сразу о нескольких событиях, которые «сбивали» героев, выводили их из душевного равновесия, мешали осуществлению их планов.

В эпитафии к главе пятьдесят семь в образных выражениях говорится о неподвластном здравому смыслу движении ума героя:

*But all his mind is set on mucky pelfe,
To hoord vp heapes of euill gotten masse,
For which he others wrongs, and wreckes himself* [13, p. 700]

(«Но ум его подвластен лишь кукану,
Кой правит мутны помыслы его
На службу золотому истукану» [4, с. 716]).

В главе речь идет и о помешавшемся умом бывшем гангстере, находящемся в доме престарелых, и о вспышке гнева Страйка по отношению к наглому свидетелю, который его обычно здравый холодный ум не смог обуздать.

Подобным же образом прослеживаются параллели между словами эпитафия к главе шестьдесят и несколькими событиями, о которых повествуется в самой главе:

*Fortune, the foe of famous chevisaunce
Seldome (said Guyon) yields to vertue aide,
But in her way throwes mischiefe and mischaunce,
Whereby her course is stopt, and passage staid* [13, p. 743].

(«Известно: к рыцарям сурово Провиденье,
Не часто доблести оно сулит подмогу
(Так рек Гюйон), но знает ухищренья,
Чтоб им наслатъ невзгод и преградить дорогу» [4, с. 761]).

К «ухищрениям Провидения» Робин относит бывшую возлюбленную Страйка, которая время от времени появляется на его горизонте, что тревожит Робин. Для Страйка таким «ухищрением Провидения» стала старая знакомая, случайно встретившаяся ему по дороге к дому престарелых, куда он намеревался проникнуть, она буквально «преграждает ему дорогу», мешая осуществить задуманное.

Соединение детективного романа XXI в. «Дурная кровь» Р. Гэлбрейта и рыцарской поэмы XVI в. «Королева фей» Спенсера создает своеобразную переключку этих столь разных текстов, выстраивает параллели между персонажами, их характерами и судьбами, событиями и фактами. Интертекстуальность в данном произведении, во-первых, выполняет референционную функцию, служит стимулом для порождения в сознании читателя новых смыслов, возникающих из взаимодействия концептуальных пространств цитируемого и цитирующего текстов; во-вторых, является средством структурно-семантической организации текста; в-третьих, используется для характеристики персонажей. В конечном счете, интертекстуальность исследуемого романа побуждает читателя по-иному осмыслить идеи взаимодействующих текстов.

Соответствие на содержательном и контраст на функционально-стилистическом уровнях удивительным образом связывает два произведения в единый текст, выявляет их общие и различные черты, создавая эффект иронии. Интертекстуальность исследуемого романа демонстрирует синтез прозы и поэзии, рыцарской поэмы XVI в. и детектива XXI в., архаичного и современного функциональных стилей, что является основой формотворчества, ведущего к созданию своеобразного диалога эпох, культур, литературных традиций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байко В. А. Интертекстуальность в пейзажных описаниях современного британского детектива: дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2019. 200 с.
2. Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Перев. с франц. М.: Прогресс, 1994. С. 462–518.
3. Бушев А. Б. Лингвистика интертекстуальности и интермедиальности (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание. 2019. № 2. С. 76–95.
4. Гэлбрейт Р. Дурная кровь. Перев. с англ. Е. Петровой. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. 960 с.
5. Кремнева А. В. Интертекстуальные включения в художественном тексте: функция характеристики персонажа // Известия ВПГУ. Филологические науки. 2018. № 3 (126). С. 81–85.
6. Кремнева А. В. Интертекстуальные включения как один из барьеров на пути интерпретации смысла текста // Филология и человек. 2019а. № 1. С. 46–60.
7. Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: когнитивно-семантический аспект (на материале английского языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Барнаул, 2019. 42 с.
8. Михеев А. А. Интертекстуальность: сущность и основные подходы к исследованию научной парадигмы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. 3 11 (41). Ч. 2. С. 120–122.
9. Напцок Б. Р., Соколова Г. В. К проблеме изучения интертекстуальности в художественном произведении // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 4 (227). С. 123–131.
10. Попова Ю. К. Межтекстовые отношения и их трансляция (на материале англоязычных постмодернистских художественных текстов и их переводов): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2016. 210 с.
11. Туова Р. Х. Детективный текст постмодерна: прецедентные феномены как лингвокультурные маркеры интертекстуальности // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2015. № 4. С. 65–72.
12. Туова Р. Х. Интертекстуальность в детективном тексте постмодерна: лингвокультурный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2015. № 4 (168). С. 67–72.
13. Galbraith R. Troubled Blood. New York: Mulholland Books, 2020. 944 p.

14. *Hutcheon L.* Historiographic Metafiction Parody and the Intertextuality of History // *Intertextuality and Contemporary American Fiction*. Ed. by P. O'Donnell, R. Con Davis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. P. 3–32.
15. *Struzziere M. A.* «Make it new» to return as rupture and difference: a study of Jeanette Winterson's *The Gap of Time* // *The Poetics of Fragmentation in Contemporary British and American Fiction*. Ed. by V. Guignery, W. Drag. Malaga: Vernon Press, 2019. P. 91–104.

Поступила в редакцию 02.10.2021

Лушникова Галина Игоревна, доктор филологических наук,
 профессор кафедры иностранной филологии и методики преподавания,
 Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
 ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте,
 298635, Россия, Республика Крым, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2-А
 E-mail: lushgal@mail.ru

Осадчая Татьяна Юрьевна, кандидат педагогических наук,
 доцент кафедры лингводидактики и зарубежной филологии
 ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
 E-mail: osadchaya_ta@mail.ru

G.I. Lushnikova, T.Yu. Osadchaya

**THE CATEGORY OF INTERTEXTUALITY IN A CONTEMPORARY DETECTIVE NOVEL
 (BASED ON THE NOVEL “TROUBLED BLOOD” BY R. GALBRAITH)**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-644-653

New forms of intertextuality are constantly being discovered in fiction, which requires a common methodological basis for its analysis. A brief overview of English-language detective stories shows that intertextuality in this genre can be realized in different forms and perform various functions. The leading research method of the study is interpretive analysis of the links between the quoting and quoted texts. A great number of quotations used as epigraphs to the novel “Troubled Blood” by R. Galbraith, gives grounds to assert that the book contains two texts, which inevitably makes the reader compare them, identify analogies, similarities and differences. The analysis of interaction of the texts that are different in time, themes and genres but are united in one artistic whole plays a significant role in interpreting R. Galbraith's novel, understanding its characters, themes, plot lines, solving the novel's intrigue. Comparing epigraphs and corresponding chapters of the novel gives grounds to conclude that there are two variants of their correlation – correspondence at the level of the content and contrast at the level of the form. Intertextuality of the novel under study demonstrates synthesis of genres, functional styles, ideological and imaginative standards, which becomes the basis for the work's structure, creates a dialogue of different eras, cultures, literary traditions.

Keywords: contemporary detective novel, R. Galbraith, category of intertextuality, interaction of texts, literary traditions.

REFERENCES

1. *Baiko V. A.* Intertekstual'nost' v pejzaznyh opisaniyah sovremennogo britanskogo detektiva [Intertextuality in Landscape Descriptions in a Contemporary British Detective]. Dis. ... kand. filol. nauk. Arkhangel'sk, 2019, 200 p. (In Russian).
2. *Bart R.* The Pleasure of the Text. In: *Selected Works. Semiotic. Poetics*. Moscow, Progress Publ., 1994, pp. 462–518. (In Russian)
3. *Bushev A. B.* Lingvistika intertekstual'nosti i intermedial'nosti (Obzor) [Linguistics of Intertextuality and Intermediality (Review)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 6. Iazykoznanie [Social and Humanity Sciences. Russian and Foreign Literature. Series 6. Linguistics]*, 2019, no 2, pp. 76–95. (In Russian)
4. *Galbraith R.* *Durnaya krov'* [Troubled Blood]. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2021, 960 p. (In Russian)
5. *Kremneva A. V.* Intertekstual'nye vklyucheniya v hudozhestvennom tekste: funkciya harakterizacii personazha [Intertextual Inclusions in Literary Texts: Function of Describing a Character]. *Izvestiia VPGU. Filologicheskie nauki [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences]*, 2018, no 3 (126), pp. 81–85. (In Russian).

6. *Kremneva A. V.* Intertekstual'nye vklyucheniya kak odin iz bar'erov na puti interpretacii smysla teksta [Intertextual Inclusions as One of the Barriers to Interpreting the Meaning of the Text]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Human], 2019a, no (1), pp. 46–60. (In Russian)
7. *Kremneva A. V.* Intertekstual'nost' kak odna iz form mezhtekstovogo vzaimodejstviya: kognitivno-semanticheskij aspekt (na materiale anglijskogo yazyka) [Intertextuality as One of the Forms of Intertext Interaction: The Cognitive-Semantic Aspect (Based on the Material of the English Language)]. *Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk.* Barnaul, 2019b, 42 p. (In Russian)
8. *Mikheev A. A.* Intertekstual'nost': sushchnost' i osnovnye podhody k issledovaniyu nauchnoj paradigmy [Intertextuality: Essence and Basic Approaches to Study of Scientific Paradigm]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 2014, no 11 (41), p. 2, pp. 120–122. (In Russian)
9. *Napsok B. R., Sokolova G. V.* K probleme izucheniya intertekstual'nosti v hudozhestvennom proizvedenii [On Studying the Intertextuality of the Work of Literature]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Arts], 2018, no 4 (227), pp. 123–131. (In Russian)
10. *Popova Iu. K.* Mezhtekstovye otnosheniya i ih translyaciya (na materiale angloyazychnyh postmodernistskih hudozhestvennyh tekstov i ih perevodov) [Intertextual Relations and Their Translation (Based on the Material of English-Language Postmodern Literary Texts and Their Translations)]. *Diss. ...kand. filol. nauk.* Perm', 2016, 210 p. (In Russian)
11. *Tuova R. Kh.* Detektivnyj tekst postmoderna: precedentnye fenomeny kak lingvokul'turnye markery intertekstual'nosti [Detective text of Postmodernism: Precedential Phenomena as Linguacultural Markers of Intertextuality]. *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 2015a, no (4), pp. 65–72. (In Russian)
12. *Tuova R. Kh.* Intertekstual'nost' v detektivnom tekste postmoderna: lingvokul'turnyj aspekt [Intertextuality in the Detective Text of a Postmodern: a Lingual Cultural Aspect]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Arts], 2015b, no 4 (168), pp. 67–72. (In Russian)
13. *Galbraith R.* *Troubled Blood.* New York, Mulholland Books, 2020, 944 p.
14. *Hutcheon L.* *Historiographic Metafiction Parody and the Intertextuality of History.* In: *Intertextuality and Contemporary American Fiction.* Ed. by P. O'Donnell, R. Con Davis. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1989, pp. 3–32.
15. *Struzziere M. A.* "Make it new" to return as rupture and difference: a study of Jeanette Winterson's *The Gap of Time.* In: *The Poetics of Fragmentation in Contemporary British and American Fiction.* Ed. by V. Guignery, W. Drag. Malaga, Vernon Press, 2019, pp. 91–104.

Received 02.10.2021

Lushnikova G.I., Doctor of Philology, Professor at Department of Foreign Philology and Methods of Teaching Humanities and Education Science Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta Sevastopolskaya st. 2, Yalta, Republic of Crimea, Russia, 298635
E-mail: lushgal@mail.ru

Osadchaya T.Yu., Candidate of Pedagogy, Associate Professor at Department of Teaching Methods and Foreign Philology Sevastopol State University Universitetskaya st., 33, Sevastopol, Russia, 299053
E-mail: osadchaya_ta@mail.ru